

882307

Филологический факультет

На правах рукописи

ГУРА Александр Викторович

**ТЕРМИНОЛОГИЯ СЕВЕРНОРУССКОГО СВАДЕБНОГО ОБРЯДА
(НА ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ)**

10.02.01 - Русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА · 1978

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор Н.И.ТОДСТОЙ.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук К.В.ЧИСТОВ,
кандидат филологических наук Т.М.СУДНИК.

Ведущее учреждение — кафедра славянской филологии Ленинградского государственного университета имени А.А.Жданова.

Защита диссертации состоится " " _____ 1978 г.
на заседании специализированного совета (К-13/11) по русско-славянскому языкознанию в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова (Москва, Ленинские горы, МГУ, корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет).

Автореферат разослан " " _____ 1978 г.

Ученый секретарь специализированного
совета

доцент А.А.КАМЫНИНА

Современная славистика все чаще обращается к проблемам, связанным со славянской духовной культурой и ее историей, в частности к проблемам, лежащим на стыке таких смежных дисциплин, как лингвистика, этнография и фольклористика. Их развитие, как указывает Н.И.Толстой, "ставит ряд новых задач, решение которых возможно лишь на основании комплексного подхода к предмету исследования"¹. Такое комплексное изучение особенно важно для решения проблем и тем, касающихся славянского этногенеза. Помимо этногенетической проблематики, комплексные общелингвистические исследования, ведущиеся на грани родственных славистических дисциплин, актуализируют или возвращают языковедению и ряд других собственно лингвистических задач теоретического характера, которые долгое время пребывали в тени "чистой" лингвистики, как, например, проблема специфики народной культурной терминологии, взаимодействия обряда и его терминологии в семиотическом аспекте, соотношения лингвистического и фольклорно-поэтического плана в обряде, проблема обрядового и поэтического контекста, языка фольклора, мифологии и семантики, определения диалекта на основе историко-культурного подхода, выработки принципов толкования обрядовой лексики и т.д. Важно и то, что выход за пределы лингвистики означает одновременно внедрение ее достижений в соседние области знания, т.е. использование при этнографическом анализе структурно-семиотического, ареального и сравнительного методов. Современное этнолингвистическое направление опирается на традиции, заложенные такими учеными, как А.А.Потебня, Д.К.Зеленин, К.Мошинский и П.Г.Богатырев, которые в своей научной деятельности успешно совмещали задачи лингвистики с задачами этнографии и фольклористики.

Лексика, относящаяся к народной духовной культуре и обрядности, изучена явно недостаточно. Поэтому подобные исследования имеют не только теоретическую, но и практическую ценность. Результаты изучения обрядовой терминологии могут быть с успехом применены в практике лексикографической работы, источниковедческого дела и полевых исследований (составление программ для более целенаправленного и систематизированного сбора материала), а так-

¹ Толстой Н.И. Славянская обрядовая терминология - сравнительно-типологические и лингвогеографические методы ее изучения. - Типологія і взаємодія славянських мов і літератур. Тезиси доповідей і повідомлень на Республіканській конференції. 17-19 мая 1973 г. Мінск, 1973, с. 211.

же для выработки методики этнолингвистического картографирования.

Лингвистическая сторона свадебного обряда почти не была предметом специального изучения. Можно назвать всего лишь две работы, непосредственно связанные с данной темой: это небольшое исследование П.С.Богословского "К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов"¹ и статья Р.Эккерта о славянской свадебной терминологии². Работа П.С.Богословского ценна как первый опыт изучения свадебной терминологии, однако в методологическом отношении она уже во многом устарела. Даже решение основной задачи - выявление всех встречающихся на восточнославянской территории названий действующих лиц свадебного обряда - не удовлетворяет современным требованиям науки. Небольшой по объему словарь является скорее списком названий участников свадьбы, т.к. не содержит ни толкования значения терминов, ни полного иллюстративного материала, а классификация терминов по функциональному принципу проведена непоследовательно. В статье Р.Эккерта в сравнительно-историческом плане анализируется довольно узкий круг свадебных терминов, имеющих соответствия в разных славянских языках. Это термины, обозначающие свадьбу в целом, и названия некоторых ее частей. Материалом для исследования служили не описания обряда, а данные словарей и исторических памятников. Хотя оба исследования посвящены свадебной терминологии, они различны по своей проблематике, широте сравнения и кругу терминологической лексики, избранной для анализа. Даже в совокупности они не затрагивают всех тех вопросов, которые ставятся в диссертации в связи с данной темой.

Диссертация имеет своей целью синхронный анализ терминологии традиционного крестьянского свадебного обряда в связи с обрядовым планом реальных, установление наиболее важных диалектных противопоставлений в этой области и выявление различий и сходства севернорусской свадьбы со свадебным обрядом других славянских зон, отчасти также и с обрядом финно-угорских народностей, населяющих европейский Север. Основные задачи диссертации следующие: 1) выявить важнейшие элементы структуры свадебного обряда и опи-

¹ Богословский П.С. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов. Пермь, 1927 (оттиск из Пермского краеведческого сборника, вып. III).

² Eckert R. Zur slawische Hochzeitsterminologie. - "Zeitschrift für Slawistik", 1965, Bd. X, Hf. 2, S. 185-211.

оать обряд с его этнографической стороны, 2) показать взаимосвязь языковой и экстралингвистической сторон обряда (этнографической, фольклорной, мифологической), 3) определить круг терминологической лексики, ее границы, номенклатуру свадебной терминологии, выявить место терминологии свадебного обряда в общей лексической системе и показать ее взаимодействие с другими терминологическими сферами, 4) дать классификацию свадебных терминов, 5) охарактеризовать условия функционирования свадебной терминологии и ее зависимость от различных внешних факторов, 6) исследовать на широком славянском фоне основные группы севернорусских свадебных терминов методом сравнительно-семасиологического анализа, 7) особо проанализировать поэтическую лексику свадебного обряда, 8) рассмотреть свадебную терминологию в свете диалектного членения восточнославянской территории, т.е. проверить, насколько различия, выявляемые в результате ареального исследования свадебной терминологии и элементов самого обряда, отвечают существующей диалектной классификации, 9) установить для севернорусского свадебного обряда (а по возможности, и для восточнославянского в целом) ряд более общих славянских соответствий в обряде, его терминологии и структуре.

Поскольку тема диссертации предполагает сопоставление разных микродиалектных систем, при экстралингвистическом анализе обрядности и собственно языковом анализе свадебной терминологии используется сравнительный метод. Свадебный обряд и его терминология являются знаковыми системами, поэтому для их исследования применяется структурно-семиотический метод, который в работе неотделим от лингвогеографического. Обряд объединяет целый комплекс разнородных явлений (обрядовые действия, терминология), что предопределяет плодотворный подход к его ареальному исследованию — комплексный. Этот подход делает возможным рассмотрение и сопоставление этнографических и лингвистических изоглосс и изопрэгм в их единстве и взаимообусловленности. При конкретном семасиологическом анализе отдельных групп свадебных терминов в диссертации используются приемы компонентного анализа.

Работа выполнена на материале свыше двухсот отдельных (более или менее полных) описаний свадьбы из семи бывших северных губерний: Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Петроградской, Вятской и Костромской. Среди них 23 собственные записи, сделанные в разных районах Вологодской и Кировской обл.

В диссертации использовано большое количество неопубликованных описаний, хранящихся в областных архивах Вологды и Кирова, а также в ленинградских архивах — в Тенишевском фонде Гос. Музея этнографии народов СССР, архиве Географического общества СССР и в архиве ИРЛИ (Пушкинского Дома) АН СССР. Кроме того использовались материалы картотек диалектных словарей: Словаря русских народных говоров, Словаря русских говоров Карелии, Словаря печорских говоров, Архангельского областного словаря и Псковского областного словаря. Используются также источники, содержащие сведения о свадебном обряде всей остальной восточнославянской территории, а также данные некоторых диалектных словарей. Помимо опубликованных описаний, мы располагаем значительным числом собственных полевых записей, сделанных в разных районах белорусского Полесья. В работе учтен материал по всем другим славянским зонам. Наиболее полно собран польский, лужицкий, болгарский и македонский материал.

Основное содержание работы было изложено в докладах на XXУП научной студенческой конференции в Тарту (1972 г.), на всесоюзной конференции по ареальным исследованиям в языкознании и этнографии в Ленинграде (1975 г.), на литературоведческой конференции в Вологде (1976 г.), в докладах на аспирантском объединении кафедры русского языка МГУ и в семинаре Н.И.Толстого, а также в семи опубликованных работах. На выступления и публикации имеется ряд отзывов и ссылок в печати.

Работа включает следующие разделы: 1) Введение; 2) Глава I. Свадебная реальность; 3) Глава II. Свадебная терминология и ее место в обряде; 4) Глава III. Севернорусская свадебная терминология (семантический анализ отдельных групп терминов с привлечением сравнительного славянского материала); 5) Глава IV. Ареальная характеристика свадебного обряда; 6) Заключение; 7) Сокращения в подаче географических сведений. Объем основной части диссертации — 176 страниц. К работе прилагается словарь и карты.

Свадебная терминология рассматривается в работе в тесной связи с анализом самого обряда. Нас интересовала прежде всего взаимосвязь языкового и внеязыкового плана, отражение этнографической стороны свадьбы в ее терминологии. Поэтому лингвистическое исследование свадебной терминологии предваряется в диссертации структурным анализом обряда. Так, в г л а в е I

(с. 21-33) выявляются важнейшие элементы обряда с его этнографической стороны и основные компоненты обрядовой структуры. Этнографическая сторона свадебного обряда представляет собой систему обрядовых знаков - актов, связанных с действующими лицами и предметами. Как и всякий знак, акт имеет форму своего выражения (внешнее проявление действия) и определенную семантику (смысл, мотивацию этого действия), а по своему характеру может быть сакральным или игровым. Действия, которые в разных местах могут совершаться на свадьбе, становятся обрядовыми знаками (гевр.актами) лишь там и тогда, где и когда проявляется и становится актуальной их свадебная функционально-смысловая нагрузка. Локальные и временные параметры определяют, таким образом, реализацию обрядовой системы - задают условия, в которых свадебная реальность предстает во всей своей конкретной содержательной наполненности. Акты, вступая в сочетания, объединяясь друг с другом, образуют цельные в смысловом отношении группы - составные части обряда, которые определяют его структуру. Обряд организуется различно в разных микродиалектных системах. Однако могут быть выявлены и общие, инвариантные особенности в структуре свадебного обряда. Севернорусский свадебный обряд включает в свой состав ряд церемоний, каждой из которых присуще определенное единство связи действующих лиц и своя направленность действия: 1. предбрачный стговор сторон (обряды сватовства, смотрин невесты, осмотра хозяйства жениха и помолвки), 2. подготовка к браку, 3. канун брака (девичник у невесты и холостяцкий вечер у жениха), 4. брак, или собственно свадьба (приезд жениха за невестой, венчание и главное свадебное торжество у жениха), 5. послебрачная церемония (совместное мытье молодых, угощение, устраиваемое матерью невесты, и некоторые обрядовые акты испытания невесты). Эта структура характеризуется устойчивостью во всех районах Севера, лишь на небольшом участке территории Вологодской губ. она несколько нарушается: в Вельском и Сольвычегодском уу. отсутствует иногда четкое противопоставление церемоний кануна брака и брака, а в Великоустюгском у. венчание происходит между девичником и приездом жениха за невестой. Весь свадебный обряд проходит в своем развитии три этапа, во время которых осуществляется обрядовый переход от старых социальных и родственных отношений к новым - добрачный, брачный и послебрачный. Эти этапы объединяют в своем составе все названные церемо-

нии, и такое трехчастное строение в наиболее общем виде отражает структуру обряда. Тернарность, обнаруживаемая в структуре, свойственна и мифологическому осмыслению свадьбы как "перехода" (в смысле А. ван Геннепа). Она проявляется и в терминологии: последовательная смена терминов, характеризующих девушку (невесту) в период вступления в брак, соответствует трем фазам обрядового "перехода" ее из группы девушек в группу замужних женщин, например, невеста или девка на прочеке 'девушка на выданье' - запорученка или сговоренка, княгиня и т.д. (от обручения до бракосочетания, т.е. в промежуточной фазе "перехода") - молодая, молодица, молодуха и т.п. (после брака). Это свидетельствует о некотором изоморфизме различных обрядовых планов - обряда как действия, мифологии и терминологии.

Г л а в а II (с. 34-57) посвящена свадебной терминологии, ее месту в обряде, взаимодействию лингвистической и внеязыковой, этнографической стороны обряда. В терминологии находят отражение лишь функционально релевантные действия, лица и предметы свадебного обряда. Обрядовая система сегментируется выборочно и передается в терминологии концентрированно и экономно. Экономность свадебной терминологии проявляется не только в том, что она вычленяет наиболее значимые моменты этнографической стороны обряда, но и в семантической емкости свадебного термина: благодаря разветвленной и сложно организованной содержательной структуре термина (наличие разных планов в его лексическом значении, особенно признаков, определяющих обрядовую функцию денотата), он может обладать большой семантической насыщенностью и информативностью. Благодаря терминологии обрядовые функции лиц, предметов и действий закрепляются в сознании и становятся более различимыми. Тем самым терминология оказывает и обратное воздействие на свой объект, упорядочивая этнографическую сторону обряда, в некоторых случаях терминология оказывает прямое влияние на свадебную реальность (напр., в Ветлужском у. Костромской губ. в обряде красного стола свадебный стол покрывают к р а с н о и ска-тертью). Взаимосвязь языковой и внеязыковой сторон обряда проявляется и в случаях лингвистической мотивации обрядового акта: так, в Заонежье невесту осыпает п у х о м, чтобы ее пушило, т.е. чтобы она толстела.

Свадебная терминология лишь описывает обряд, интерпретирует его, не включаясь в него непосредственно, - она функциониру-

ет как правило во внеобрядовых ситуациях. Правда, иногда он включается в свадебные поэтические тексты, но тогда термин становится вспомогательным (в поэтическом контексте он в этом случае служит лишь пояснением соответствующего поэтического термина), а кроме того, изменяется формально, вследствие чего получает поэтическую (стилистическую) нагрузку: употребляется в уменьшительной форме (напр., поезжанушки, свадебка) или выступает в устойчивом сочетании с прилагательным (напр., дружка княжая, поезд честной). Свадебную терминологию, описывающую обряд, следует отличать от особых вербальных актов, непосредственно включенных в обряд и являющихся обрядовыми знаками. Такие вербальные акты наглядно демонстрируют взаимосвязь слова, действия и поэтического текста свадебного обряда. Это аналогичные императиву возгласы типа горько!, криво! (их можно рассматривать как своего рода свернутые варианты словесных формул, т.е. поэтических текстов, ср.: "Горько!" и "Вино горько, надо подсластить!") или семантически равноценные императиву табуированные ответы, которые дает невеста жениху в случае принятия предложения (ответы береза или ель) или отказа (напр., сосна, дуб). Как и всякое обрядовое действие, вербальный акт имеет обрядовую функцию, не утрачивая при этом своего лексического значения. Он может даже определяться термином, ср., напр., горько! как сигнал к поцелую и свадебные термины сладить, молодиться 'целоваться в ответ на возглас горько!'

Свадебный обряд и его терминология зависят от различных внешних факторов: социальных, имущественных, семейных, религиозных и пр. Инверсия обычных, принятых отношений между женихом и невестой (напр., переход жениха на житье в дом невесты) вносит изменение в ход обрядового действия (напр., сватов посылают сватать жениха, жених участвует в девичнике и т.д.) и вызывает инверсию в использовании некоторых свадебных терминов (особенно распространено в этом случае выйти замуж — о женихе и жениться — в применении к невесте, а также некоторые другие термины, обозначающие участников свадьбы и обрядовые церемонии). Редкий случай зависимости терминологии от разных групп участников обряда, различных по степени близости к новобрачным, отмечен в г. Пинеге Архангельской губ.: здесь для обозначения церемонии в доме невесты накануне венчания посторонними зрителями употребля-

3-1056

ется термин подсвадебье, а гостями, приглашенными на свадьбу, термин рукобитье.

Исследователь свадебной терминологии имеет дело с лингвистической стороной свадебного обряда не непосредственно: между ним и носителем диалекта и обрядовой традиции стоит автор записки, и язык его описания представляет собой тот фильтр, проходя через который обрядовая терминология приобретает большие или меньшие искажения. Поэтому не всегда легко бывает отделить терминологию обряда от терминологии его описаний. Это касается прежде всего квалификации терминов-фразеологизмов как принадлежащих языку обряда.

Свадебный обряд наряду с его собственной терминологией обслуживает еще и межобрядовые термины, которые входят одновременно и в другие обряды того же региона. К числу их относится значительное количество названий куманий (крутых каш, хлебных изделий и пирогов), причитальниц, которые причитают и на свадьбе, и на похоронах (напр., вопильница, вопленица, воекса и др.), иногда некоторых предметов (особенно головных уборов), актов и церемоний.

В представлении системы свадебной терминологии как некоего замкнутого, изолированного круга лексики содержится известная доля условности, оправданная исследовательским подходом к анализируемому объекту, чисто научными соображениями удобства описания. Реально же, в самом языке свадебная терминология пересекается и взаимодействует с другими терминологическими сферами. В результате часть терминов можно рассматривать одновременно и как свадебные, и как несвадебные — юридические (названия приданого, выкупов за невесту, различных свадебных договоров и пр.), кулинарные (названия свадебных куманий: невестини конфеты, курник, кроеники и т.д.), архитектурно-строительные (напр., подклеть 'холодное помещение в доме жениха, где молодые проводят брачную ночь'), музыкальные (напр., кунины песни, причет отставало), термины родства (невеста, родники, сваты 'породнившиеся старшие родственники') и др. Все зависит от конкретного аспекта их рассмотрения. Однако в качестве ономастологического допущения можно полагать, что подобные терминологические "круги" выделяются не только при научном расчленении лексики на сферы, удобные для исследования, но существуют и в самом языке и могут при необходимости обособляться в сознании говорящего.

В г л а в е II (с. 58-148) содержится семантический анализ отдельных групп терминов. Вначале приводится классификация свадебной терминологии, которая определяется в целом набором основных компонентов обряда (действующие лица, предметы, акты, обряды и церемонии).

Далее выявляются некоторые общие закономерности того, как в терминологии сегментируется система свадебных чинов и как терминология действующих лиц накладывается на систему родства. Общее количество севернорусских терминов, обозначающих свадебные чины, — свыше трехсот. Некоторые из этих лексем уникальны или редки (напр., оорозда, сусленица, костоглод), а многие повторяются в большинстве описаний (поезжане, сват, молодые и др.). Эта терминология распределяется неравномерно среди действующих лиц обряда, причем в этом распределении проявляются определенные закономерности, сочетание которых и определяет в основном общую суммарную картину соотношения между действующими лицами и определяющими их терминами. Одна из таких закономерностей наблюдается в распределении терминов среди лиц, соотносительных по принадлежности к одной из двух участвующих в браке сторон, напр.: мать невесты — мать жениха; парни (не родственники) со стороны невесты — парни, друзья жениха; девушки, подруги невесты — девушки (не родственницы) со стороны жениха; колдун невесты — колдун жениха и т.д. Парные по этому признаку женские действующие лица как правило чаще терминологически выделяются для стороны невесты, а мужские лица — чаще для стороны жениха (нас интересовало не разнообразие терминов для одного и того же лица, а количество зафиксированных в отдельных свадебных обрядах случаев употребления тех или иных терминов для данного лица, пусть даже одних и тех же). Другая тенденция проявляется в том, что для родственников жениха и невесты термины распределяются по-разному, в зависимости от пола (отец жениха — мать жениха, дядя невесты — тетя невесты и т.д.). Частотность встречаемых терминов для обозначения родственников мужского пола больше, чем для обозначения родственников женского пола, притом не только у жениха, но и у невесты. Исключение составляют лишь крестные невесты (для ее крестного отца не зафиксировано ни одного термина).

Число терминов, определяющих невесту (напр., запорученка, отдаванница, княгиня, молодица, молодуха), вдвое больше, чем для жениха (напр., молодик, молодяк, новоженя, нареченный жених,

подживотник), на невесту же приходится и большее количество зафиксированных употреблений этих терминов. В результате статистического анализа терминологии выявляется большая важность роли крестного отца жениха, чем родного отца, а также большая обрядовая значимость крестной матери по сравнению с родной, ср. соотношение употреблений соответствующих терминов (в процентах к общему числу фиксаций терминов, обозначающих родственников): отец жениха - 5%, его крестный - 10%, его мать - 2%, его крестная - 4%, мать невесты - 3,3%, ее крестная - 5%. По числу зафиксированных употреблений терминов родственники невесты занимают следующие места: 1) крестная (подвенечная сватья, большая сватья, сватенка, погониха и т.д.) и отец (сват, зватой, вывожатый и т.д.), 2) мать (сватья, вывожельница), 3) брат (большак, пропивала, провожатой, погонатель и др.), 4) сестра (одевальщица, погониха, сватья), 5) жена брата (вывоженица, сватья), жена дяди (сватья) и муж сестры (сват, пропивала), 6) дядя (новый сват) и т.д. Родственники жениха распределяются несколько иначе: 1) крестный (чаще всего тысяцкий), 2) брат (большой боярин, сват, дружка, шафер), 3) отец (сват, сватовщик, тысяцкий), 4) крестная (сваха, сватья, брньга), 5) дядя (большой сват, боярин, повозник), 6) мать (сваха, сватья, сватовщица), сестра (сваха, подсватье) и муж сестры (сват, шафер, дружка, зватый) и т.д.

Специальный сравнительно-семасиологический анализ посвящен термину дружка, обозначающему одного из главных участников свадьбы. Выявлен набор семантических дифференциальных признаков этого термина и установлена их иерархия и типологические различия. Одни из признаков "предметного" плана - они передают не зависящие от обряда индивидуальные свойства и качества действующего лица: отношение родства, возраст, пол, семейное положение, отдельные качества характера и способности (умение балагурить, шутить, знание колдовства). Другая группа признаков относится к "функциональному" плану. Эти признаки определяют место дружки в обряде (взаимосвязь с другими участниками свадьбы, отнесенность к одной или сразу к обеим свадебным сторонам), внешнюю отмеченность этого чина каким-либо атрибутом и, наконец, обрядовые функции, которые проявляются в конкретных обрядовых действиях, исполняемых дружкой. К последним признакам относятся следующие: веселить гостей, церемониймейстер, ведать угощением,

особая роль в свадебной процессии жениха (участие в поезде, распорядитель в поезде, ехать впереди поезда, ехать верхом, заведовать чем-либо в поезде, временно покидать отъезжающий поезд и возвращаться в дом невесты), представлять интересы жениха и действовать от его лица (гонец жениха, выкупать места за столом для лиц жениха, содействовать первенству жениха над невестой, сватать невесту, преподносить ей подарки жениха), содействовать брачному соединению жениха с невестой, оберегать от порчи и отдельные специальные признаки (отвозить приданое к жениху, читать приговоры, устраивать у себя послебрачное угощение, ночевать в доме невесты накануне свадьбы, выливать недопитуемую воду на присутствующих). Наблюдается и определенная организация признаков по принципу бинарной связи: "двусторонний" чин (обслуживающий обе свадебные стороны) - "односторонний" чин (прикрепленный лишь к одной стороне), чин со стороны невесты - чин со стороны жениха, родственник (с дальнейшей конкретизацией), молодой - старый, мужского пола - женского пола, холостой - женатый. Признаки, определяющие место дружки в структуре действующих лиц, группируются следующим образом: собирательность, или однородное множество лиц (дружка - группа лиц) - единичность, или отсутствие вхождения в такое множество (один дружка в обряде) - вхождение в однородное множество, т.е. в ряд равных, идентичных лиц, определяемых тем же термином (в том случае, когда на свадьбе несколько дружек); наличие пары - во-первых, пары, противопоставленной по отнесенности к свадебной стороне (дружка жениха и дружка невесты в одном обряде), во-вторых, противопоставленной по рангу (дружке помогает подружье), в-третьих, противопоставленной по полу (дружка действует совместно со свахой); наконец, в эту группу входит и признак ранга дружки, определяемый в сравнении с другими чинами. Выявляется также различие признаков по степени детализации. Одни из них более специальные (отвозить приданое, ехать в поезде верхом) или конкретизирующие (брат жениха, разделяющий первенство с другим чином), другие более общего характера (не-родственник, молодой, церемониймейстер и т.п.). Признаки различны и по "нагруженности", т.е. по степени дифференциации: они группируют разное количество действующих лиц, объединяют в один ряд с дружкой различное число свадебных чинов. Так, напр., по признаку отнесенности к стороне жениха или мужского пола дружка объединяется с огромным коли-

чеством лиц, а по признаку близость к священнику лишь с двумя (сват и тысяцкий), по признаку веселить гостей — также всего с двумя (сват и нахожий народ) и т.д.

Признаки, характеризующие роль дружки на свадьбе, принадлежит этому чину по преимуществу, но не являются исключительной монополией дружки на всей территории русского Севера, т.к. в той или иной степени могут характеризовать и других действующих лиц, чаще всего свата, тысяцкого и боярина (или барина). Роль севернорусского дружки рассмотрена в сравнительном славянском плане. Так, широкие славянские соответствия имеет наличие у дружки женской пары, его внешняя ритуальная маркированность (жезл, отличительные детали одежды) и т.д. Дружка, исполняющий функцию оберега, рассматривается в сопоставлении со специальными свадебными колдунами и колдуньями. В связи с этим сделан вывод о том, что в распространении колдуний как особого женского чина севернорусской свадьбы сказалось западное финское влияние. Поскольку выделенные признаки в той или иной мере входят в семантику подавляющего большинства других терминов, обозначающих участников обряда, это позволило обозреть практически почти весь круг терминологии севернорусских свадебных чинов. Анализ, посвященный дружке, завершается описанием географического распространения терминов с корнем друж- (дружка, дружко, дружок, дружба, дружбант, дружий, дружо, дружина, дружила). Названия мужских и женских свадебных чинов с тем же корнем существуют также у западных славян и словенцев.

Одним из характерных атрибутов свадебного обряда является свадебное деревце (русск. краса, цветник, роза, куличка, куст, калинка, сад, теремки, вишуге, вички; полес. квітка, мышка, горочки; укр. галузка, ріжки, різка, деревце; польск. gózga, jabłonka, baba, wiescha; чеш. rosolka, stromek, словац. drustka, druzka, lipka, venec; болг. кумово дърво, ела, бор, дъб, ръченик; словен. kravalj и мн.др.). На Севере оно встречается лишь в зонах, близких к среднерусской территории, где ему соответствует термин красота (или елочка). В диссертации в общеславянском плане рассмотрены сочетания свадебного деревца с другими обрядовыми предметами (свадебным хлебом, знаменем, сосудом) и соответствующая терминология. Особо проанализирована группа следующих украинско-белорусских названий свадебного дерева: ёлка, [елец] ? (род.п. ельца), ёлце, ёлцы, йёлцы, лілце, ліце,

гільце (и гільчко, гільчко), гильце (и гилечко), вільце (и вілечко), вильце, вельці. Этот набор отражает контаминацию по крайней мере двух рядов терминов — одних с корнем ел(ь)-, а других — с корнем гіль- (ср. голье, голина), возможно, также и с корнем вц-, поскольку процесс изготовления, украшения свадебного деревца выражается как правило глаголом вить.

Значение украшенного деревца не исчерпывает все семантическое многообразие слов красота и краса. Чаще всего они обозначают различные обрядовые предметы, постоянно выступающие в обряде как символы девичества. Объединяющий символический компонент значения этих слов (девичество), а также общность корня, позволяет рассматривать семантику терминов краса и красота совместно и устанавливать амплитуду колебания, общую для обеих лексем. При сопоставительном анализе "предметных" значений этих терминов, выявляется следующий набор признаков: 1. действующее лицо (девушка, парень), 2. коса, 3. лента (или лоскуток), 4. платок, 5. головной убор, 6. ремето, 7. венок, 8. повязка (или перевязка), 9. наряд, 10. гребень, 11. женское украшение (кольцо, брошка и т.д.), 12. букет, 13. цветок, 14. репейник, 15. дерево (елка, береза), 16. часть растения (верхушка, ветка, корень), 17. быть свадебным деревцем, 18. хлебное изделие (хлеб, пряник), 19. веревка, 20. бусы (бусер), 21. предмет женского туалета (зеркало, румяна, белила), 22. бумага, 23. кукла, 24. локализирующая часть тела (голова, грудь), 25. вставленность в сосуд (наличие локализирующего сосуда), 26. украшенность. Далее представлен перечень всех значений терминов краса и красота (130 семем) в виде формализованной записи дистрибуции семантических признаков и указано географическое распространение каждого значения. Напр.: 'корни репейника, обернутые цветными бумажками и разноцветными лентами': часть растения + ^{корни}, репейник +, украшенность +, бумага + укр, лента + укр, быть свадебным деревцем +; 'платки и ленты, положенные на ремето': платок +, лента +, ремето + на; 'головной убор невесты с лентами и нашитыми бусами': головной убор +, украшенность +, лента + укр, бусы + укр, лицо + у и т.д. Тот же круг значений, но в менее широком объеме, выявляется у другого севернорусского свадебного термина — воля, также передающего символику девичества.

Термины воля и красота употребляются параллельно как в поэтических свадебных текстах, так и вне их. Сравнительный лингво-

географический анализ этих терминов как поэтических и как непозетических показал, что поэтические термины охватывают более широкую территорию, чем соответствующие непозетические. Видимо, поэтическая терминология обладает большей способностью распространяться, чем непозетическая. Указанные термины встречаются в свадебных песенных текстах коми, карел, вепсов и ижоры (в качестве прямого заимствования или в виде калек и полукалек). Сопоставление лингвопоэтического и фольклорного аспектов позволило прояснить некоторые особенности семантического развития терминов красота и воля и их соотношения в историческом плане.

Помимо основной (номинационной) терминологии в свадебном обряде существует и поэтическая (метафорическая), которая соотносится семантически с непозетической терминологией и тесно связана с фольклорной, образной стороной обряда. Поэтическая терминология менее стабильна. Она зависит от жанра свадебно-поэтического текста (ср. названия жениха: супостат в причете и князь Иван свет Иванович в величании), иногда от обрядовой ситуации (напр. чужд господин и гость возлюбленный 'жених'), может изменяться также в зависимости от действующего лица, пользующегося ею (ср. обращение к отцу невесты: кормилец-батюшко в причете невесты и кормилец-дядюшко в причете ее подруг). В ней шире представлен инвентарь заимствований из других терминологических сфер: военной - воевода 'жених', княжий полон (полок) 'поезжане', государственной и социальной - господа сенаторы 'поезжане', княгиня молодая, молодая боярыня 'невеста', монастырской - святая братия 'зрители', национальной - татары-судники 'поезжане' и т.д.

В г л а в е IV (с. 144-169) предпринята попытка рассмотрения свадебной терминологии в свете восточнославянского диалектного членения. В результате выявлен целый ряд изоглосс: общевеликорусских, украинско-белорусских, украинско-белорусско-вжновеликорусских, северновеликорусских, северновеликорусско-средневеликорусских. Они подкрепляются и этнографическим материалом. Ряд изоглосс представляется возможным связать с двумя различными потоками колонизации русского Севера. С новгородской колонизацией в диссертации связывается распространение терминов задог, приказ, рожник, клетник, женихи или жениховцы, воля, зоря (зори, зореньки и различные сочетания с ними), поручить, порученье и порученица и т.д., с ростово-суздальской колонизацией-

распространение терминов веливец (или веливой), дом глядеть (смотреть), красота, погониха (погониха), запрос, перепивка (или перепой, перепиваться), обрядовое использование на свадьбе гуся и свиной головы и т.д. Ряд явлений особо выделяет более локальные районы Севера: крайний северо-восток, Костромскую группу говоров, южные районы Севера, прилегающие к среднерусской территории. Этно- и лингвогеографический анализ свадебного обряда показал, что противопоставление западной и восточной диалектных зон актуально для восточнославянской территории в целом, причем запад выделяется особенно большим пучком изоглосс, изопрагм и даже изодокс. Так, в западной зоне имеет широкое распространение такие термины, как подкняжий (подкняжник, подкняжье), баярка, барны, брюдга (или брюньга, брюзга) 'действующее лицо, чаще со стороны невесты', термины с корнем волх- (волхит, волхвист, волхунья, волхуна и др.), названия действующих лиц с корнем брат-, обрядовое угощение яичницей после брака, фольклорный мотив сеяния красы (красоты) или воли в свадебных песнях (от Закарпатья до Мезени), заговор при порче свадебного поезда стручком гороха "девять горошин, десятая невеста, кони ни с места" (от Полесья до Ваги и Сев.Двины) и т.д.

Указаны некоторые полесско-севернорусские соответствия, напр., представление об избавлении невесты от "дремоты" при переезде в дом жениха и нек.др. На материале свадебного обряда выявлены некоторые лексические и обрядовые параллели в общеславянском плане (восточно-западнославянские и восточно-южнославянские). Представлен список свадебных терминов, свойственных в разной мере всем славянским группам:

* svatǔb- : болг., серб.-хорв. свадба, макед. сватбарн, словен. svatba, польск. swadźba, чеш. stará svatbí, svatba словац. svadba, ниж.-луж. swadźba, swajźba, русск. свадьба, белор. свадзьба, швадзьба, укр. свальба; ср. также словен. rowvarbici, чеш. svarba, морав. stará svarbí (svrbí), с.-в.-р., моск., пенз., тульск. свар(ь)ба.

* svax- : болг., вост.-слав. свах, польск. swacha, ниж.-луж. swaška и т.п.

* svat- : болг., макед., серб., вост.-слав. сват, словен., словац., чеш. svat, польск., луж. swat и производные.

* vesel- : серб. веселе, польск. wesele, чеш. vesele, словац. vesel'e, ниж.-луж. wjasele, укр. весілля, белор.

вяселье, русск. веселье, весельство, веселый пир (стол) и т.д.

* slub- (slub-, sl'ub-): болг. ДЕВИСНОК, служаре, словен. slubiti, snobok, польск. dziewosłub, ślub, кануб, ślubi-
nĕ, чеш. snoubiti, словац. snubit', v sl'ube, верх.-луж. slubić,
ниж.-луж. snubiś, slub, укр. дівосноб, дівосниб,
слуб, полес. злюбни, белор. девосноб, дзевасноб, нлѣб(а) и
т.п.

* гук-: болг. обръки, серб. заручити, хорв. zaruke, словен.
poroka, zaroĉa, польск. zaręczenie, obrazki, чеш. gášňi-
kovŭ, словац. ist' ro guku, zárubiĕ, вост.-слав. вук-
битъе, за(по)ручить, запоручини и мн.др.

* vĕr-: серб. вјереник, словац. zvereniĕ, верх.-луж.
wjerować dać, укр. вѣрники, с.-в.-р. вера и др.

* сѣн-: болг., макед. нечесна, польск. niesta, луж. ре-
сѣсна, вост.-слав. (не)честная (невеста), русск. почестье, но-
четники, укр. почесна и др.

* brat(r)-: болг., макед. нобратни, дайм. robratin, верх.
луж. bratka, ниж.-луж. robratś, белор. брат, русск. большой
брат, братка и т.д.

* star-: 1. болг., серб. стари сват, чеш., словац. starŭ
svat, укр., русск. старший сват; 2. макед. старосват, чеш.
starosvat; 3. хорв. starešina, словен. staršica, польск.,
чеш., словац. starosta, словац. starejší, укр., белор., с.-
в.-р. староста, в.-в.-р. старший.

Здесь же относятся также термины *прос- (ср., напр., серб.
просци, польск. prozase, укр. просити и т.д.); *звн-/зов-
(ср. макед. зовачка, чеш. zovĕl, русск. зваты, укр., белор.
перезва и мн.др.); *vi-/voj-/vĕ- (напр., черногор.
вјенчани кум, морав. rovijak, луж. wĕnk, вост.-слав. вѣно,
повойник, завивать и т.д.); *pi-/roj- (ср. болг. занив, пре-
пие, польск. zapoinu, вост.-слав. запивать, пропивать, перепи-
вать и т.п.); *вѣр- (ср. макед. отбратки, укр. бранка, бранки,
русск. бранье, побратья и т.д.) и *dad- (ср. серб. удадба,
словен. dotina, чеш. vdavku, oddavku, русск. данье, дача,
сдавать с рук невесту и мн.др.).

Выявлен также ряд элементов свадебного обряда, которые
встречаются в у западных, и у влжнх, и у восточных славян. Ука-
жем некоторые из них: свадебное дерево, свадебный хлеб, свадеб-
ное знамя, осмысление новобрачных, стрельба из ружей, разбивание

посуды, выливание воды или бросание предметов через плечо назад, наличие обрядовых заместителей родителей, пары действующих лиц, составляющей аналогию с брачной парой и др. Сравнительный анализ обрядности кануна брака позволяет выявить набор основных обрядов и актов, закрепленных в разных местах за этой церемонией (русс. девичник, вечерина, белор. паненский вечер, девоскубы, полес. коровай, дзевочкие запоўни, вінкі, укр. дівич вечор, гуски, польск. dziewiczy wieszór, rozplęcinu, камуб. ograbině, viňčēnē, морав. rozvevelky, словац. obigrufka, vitie venca, макед. замес, засевки, болг. месене kwas, медник и т.д.): обрядовое мытье невесты - русский Север, Сербия, Хорватия, Славония, Македония; прощание невесты с девичеством в кругу подруг или молодежи - русский Север, Белоруссия, Словакия; расплетение косы - русский Север, Полесье (отчасти), Великопольша, Мазовше, Болгария; украшение свадебного деревца - русский Север (лишь его южная окраина), вся остальная восточнославянская территория, Польша, Словакия; плетение венков - зап. Полесье, Буковина, Мазовше, Чехия, Моравия, Словакия, Сербия; изготовление свадебного знамени - вост. Словакия, Болгария, Македония, Бачка; изготовление свадебного хлеба - южная Россия, Белоруссия, Украина, Болгария, Македония. Некоторые из указанных обрядов в ряде славянских регионов могут иметь иную временную прикрепленность. Отмечены также и некоторые другие общеславянские соответствия в структуре свадебного обряда и указана относящаяся к ним терминология.

Публикации по теме диссертации

1. Поэтическая терминология действующих лиц севернорусского свадебного обряда. В сб.: Материалы XXII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1972, с. 6-9 (0,2 п.л.).
2. Поэтическая терминология севернорусского свадебного обряда. В сб.: Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 171-180 (0,5 п.л.).
3. "Лингвогеографические различия и общность в маргинальной зоне русского Севера (на материале свадебного обряда). В кн.: Ареальные исследования в языковедении и этнографии. Тезисы третьей конференции на тему "Методика лингво- и этногеографических

исследований. Маргинальные и центральные ареалы". 10-12 февраля 1975 г. I., 1975, с. 37-38 (0,08 п.л.).

4. О некоторых аспектах изучения восточнославянской свадебной терминологии (воля и красота). В кн.: Советские по Общеславянскому лингвистическому атласу (Гомель, 9-12 сентября 1975 г.). Тезисы докладов. М., 1975, с. 258-260 (0,13 п.л.).

5. Лингвоэтнографические различия и общность в маргинальной зоне русского Севера (на материале свадебного обряда). В сб.: Ареальные исследования в языковедении и этнографии. I., 1977, с. 233-237 (0,3 п.л.).

6. Из севернорусской свадебной терминологии (хлеб и пряники - словарь). В сб.: Славянское и балканское языковедение. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977, с. 131-180 (3 п.л.).

7. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда. В сб.: Русский свадебный обряд XVI-XIX веков. I., 1977, (1 п.л.)

Подп. к печати 13/1-78г. Ф.
 Бум. тип. № Физ. п. л. 125 Уч.-изд. л. 1,0
 Заказ 1056 Тираж 100

Изд-во Московского университета. Москва, К-9.

ул. Герцена, 5/7.

Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинград